

**ДИСКРЕТНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ И ЯЗЫКА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
КРИЗИСНОСТИ УНИВЕРСАЛИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ
(ВДОГОНКУ ЗА М. К. МАМАРДАШВИЛИ)**

М.П. Яценко

Сибирский федеральный университет

Актуальность исследования обусловлена следующими ведущими факторами. Во-первых, современная глобализация вызывает неоднозначные оценки, поскольку на современном этапе она нивелирует идентичность социумов, включая навязывание чужого языка. Во-вторых, универсализация социальных норм на базе вестернистской аксиологической шкалы приводит к деформации не только языка, но и мышления конкретных, самодостаточных народов. В-третьих, в современных условиях актуализируются лучшие наработки советской философской школы, в частности, результаты деятельности гносеологических и методологических объединений, где роль Мераба Константиновича Мамардашвили трудно переоценить.

В послевоенные годы в МГУ, куда поступил М. К. Мамардашвили, определяющее значение приобрели новые имена преподавателей философии: В. Ф. Асмус, А. Ф. Лосев, А. С. Ахманов, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн, М. Л. Дынник, П. С. Попов, О. В. Трахтенберг. Кроме того, на философском факультете МГУ появился ряд неформальных групп, сыгравших важную роль в развитии философской мысли в СССР. Принципиальное значение имели т. н. группы гносеологов, где заметную роль играл Э. В. Ильенков. М. Мамардашвили был одним из основателей Московского логического кружка, который набирал силу и позже вошел в историю советской философии как методологический кружок (А. А. Зиновьев, Б. А. Грушин, Г. П. Щедровицкий и др.).

При жизни работы М. К. Мамардашвили почти не публиковались «по идеологическим соображениям», поэтому он писал сравнительно мало. Называл он свое философствование «сократическим», предпочитая диалогичность. Он читал много лекций о Р. Декарте, И. Канте, М. Прусте, в университетах Советского Союза (Москва, Ростов-на-Дону, Тбилиси, Рига, Вильнюс) и за рубежом (Франция, Германия, США). Одним из ведущих векторов его деятельности в этот период было исследование

проблем понимания, сознания и, конечно, языка. Довольно ярко Мераб Константинович определил свое отношение к указанным проблемам через призму истории: «Молодые люди, которые жили не эту жизнь и не так... в историческом смысле лишние. Поэтому А.С. Пушкин чуть ли не собственноручно, единолично хотел создать историю в России, пытаясь на деле доказать свою антитезу некоторым мыслям П.А.Чаадаева. Например, утвердить традицию семьи как частного случая, дома, стен обжитой культуры, «малой родины». Как автономного и неприкосновенного исторического уклада, в который никто не может вмешиваться, ни царь, ни церковь, ни народ... И принес себя в жертву своему принципу» [2, с. 185].

В книге «Вильнюсские лекции по социальной философии. (Опыт физической метафизики)» представлен курс лекций, прочитанных Мерабом Мамардашвили в Вильнюсе в 1981 году. Мамардашвили излагает свое понимание социальности, прослеживает сложные взаимосвязи между устройством общества, его функционированием и мышлением. Ни в одном другом своем тексте автор не утверждает столь прямо и последовательно зависимость мышления от включенности в отношения с другими людьми, от того, что он называет «со-общностью» и «со-бытием» [1]. Речь идет не столько о самом социальном порядке, сколько о том, что является вытесняемым, невидимым условием этого порядка: об общности, которая, по сути, этот порядок разрывает, о тех силах совместного существования людей, силах жизни, которые не сводятся только к функционированию государственных институций и даже того, что называется гражданским обществом.

Как философ Мамардашвили настаивает на том, что имеется «реальная философия» и имеются философские системы. Реальная философия представляет собой реальные проблемы, которыми занимается философия. Согласно Мамардашвили, философия – это «сознание вслух» [4], акт, который состоит в узнавании того, что есть на самом деле; наша способность устанавливать то, что происходит на самом деле, в том числе и в отношении того, что мы чувствуем. Другими словами, философия позволяет нам понять, какими будут наши чувства, после того, как мы установили, что наши чувства означают на самом деле [4].

Не менее важным представляется определение мыслителя философии как одного из орудий самоконструирования человека, согласно Мамардашвили. учение о мышлении: Мамардашвили исходит из тождества бытия и мышления. Далее Мераб Константинович высказывает принципиальный для всей его философии тезис:

поскольку человек – мыслящее существо, а бытие – это то, где находится и действует мыслящее существо, то никакого различия нет, бытие – это существование мыслящего человека. Основная тайна бытия – это совесть, наличие этических отношений; поэтому различие добра и зла составляет ядро философии. Человеку нужна гигиена, которая нужна при понимании незнания, как способ, позволяющий человеку в условиях колоссального давления окружающего его незнания не поддаться ему и не сойти с ума;

Смысл жизни Мамардашвили, как и многие философы со времени Аристотеля, усматривал в самореализации, в том, чтобы «исполниться в качестве Человека». В качестве образного объяснения того, что имеется в виду, он использует библейскую фразу о человеке как «образе и подобию Божию», однако использует он ее символически, в гуманистическом духе, выдвигая на первый план «достоинство человека». В этом пункте Мамардашвили движется вслед за Кантом, однако далее описывает человека как «существо, возникновение которого непрерывно возобновляется». Человеку, по его мнению, свойственно чувствовать себя «уникальным, незаменимым, нелишним». «Роковой ошибкой» мышления он называет отождествление реального положения дел с «ходячим идеалом». Природу социального зла Мамардашвили усматривал в инфантилизме как «неразвитости общественной материи».

Проблема дискретности мышления и языка как отражение реальной действительности наиболее отражена в «Картезианских размышлениях», где Мамардашвили интерпретирует учение Декарта в контексте универсалистских тенденций XX века, которые особенно ярко проявились в распространении социалистических идей, а позже – глобализации. Уже в начале своей знаменитой книги М.К.Мамардашвили последовательно проводит важный тезис: мир – это то, что я понимаю. «Сейчас я немного иначе выражу это переживание, может быть, более понятно. Если это непонятно, ради Бога, не переживайте и не упрекайте меня. Во-первых, я сам не очень понимаю то, что говорю, и если вы не понимаете, то могу утешить вас, что ну никто не понимает этого, и понять это, по-моему, почти что невозможно. Но это есть. Это факт. И, во-вторых, и в истории философии никто этого фактически не понимал, потому что в связи с Декартом это не обсуждается. А раз не обсуждается и не говорится, а написано всего много, то значит – просто непонятно. Я вместе с вами пытаюсь понять» [3]. (*Размышление второе*).

Теорию дискретности времени Мамардашвили заимствует у Декарта, однако далее проявляет себя в качестве оригинального мыслителя, выводя читателя на «основное онтологическим переживание». Согласно М.К.Мамардашвили, хотя смерть и является символом этой дискретности времени, однако она не имеет отношения к строго математической теории. Дело в том, что, согласно обычному математическому подходу, время – гомогенно, однородно и непрерывно, а Декарт в своей теории дискретности времени имеет в виду содержательное время.

В *четвертом размышлении* утверждается: мы способны понять то, что написано в философском тексте, если сумеем воспроизвести сказанное в нем как возможность нашего собственного мышления. Если мы воспроизведем нечто сказанное или написанное так, что при этом действительно сможем это помыслить, то окажется, что в помысленном когда-то фактически содержится все. Здесь же Мамардашвили высказывает важную мысль: «когда акт философского мышления выполнен, то в нем есть все и не может быть речи о каких-то заимствованиях или плагиате» [3]. И далее продолжает: «Научное описание мира есть язык. И только язык. Фабула. Рассказ в смысле правдоподобной сказки. Язык в смысле способа говорения, у которого есть свои законы» [3]. Ссылаясь на Декарта, Мамардашвили особо подчеркивает, что истина нам известна естественным образом. Если же возникает сомнение, то процедура *cogito* вводят нас туда, где есть начало, порождающее то, что уже будет обладать признаком истинности или ложности и, следовательно, поддаваться доказательству.

В *«Размышлении пятом» «Картезианских размышлений»* Мераб Мамардашвили утверждает: «наши суждения, те, которые будут проверены в свете феномена осознания, могут иметь всеобщий характер» [3]. То есть будут относиться не только к нашему человечески ограниченному миру, но и к физическим законам, действующим в этом мире, независимо от случайности нашего человеческого устройства. Здесь Мамардашвили ссылается на Декарта и открытого им феномена осознания, доказывает, что только таким образом все части «аппарата когито станут на место». Главным представляется утверждение, что мысль есть мысль, а материя есть материя и вместе им не сойтись.

В *«Седьмом размышлении»* Мераб Мамардашвили исследует схему нашего сознания, в основе которого находится пространственность предмета. Однако мы можем познавать предмет только тогда, когда одновременно с познанием его содержания держим в сознании схему его данности. Только такие предметы мы

познаем и понимаем рационально, что, согласно Декарту, и представляет собой определение того, что такое ясные понятия.

В *«Восьмом размышлении»* М.К.Мамардашвили останавливается на парадоксах понимания: «Часто бывает так, что мы понимаем, но как только начинаем высказывать это понимание, - не получается, мы перестаем понимать» [3]. Мыслитель уверен, что «...тот, кто говорит правду, не загружает свою память. Бытие не нужно помнить, потому что оно есть (или было), а то, что ты сочинил по поводу бывшего, всегда нужно помнить» [3, с. 56]. Важным, хотя и не бесспорным, представляется его тезис: познавать можно только то, что есть вызвало важный отклик в «упечатлившейся душе».

Мераб Мамардашвили. *«Размышление десятое»*. Здесь М.К. Мамардашвили анализирует то, как Декарт на деле приводит в действие «машину мышления»: «Источник мысли – это организация накачивания сил или создания акта мысли, который потом сам породит – действительно! – сам породит, потому что, конечно же, не мы породили то, что породится в пространстве резонанса. «В начале было Слово» – оно породило, и тогда мы узнали, что думаем или что знаем, что переживаем и что чувствуем» [3, с. 67].

«Мыслить мысль – значит тем самым мыслить то, что истинно». – последовательно доказывает Мераб Константинович в *«Размышлении одиннадцатом»* И далее раскрывает свой тезис, ссылаясь на Декарта: «Если мы знаем, что совершилась мысль, и говорим об этом, то в рассказе о ней могут появляться любые теории, любые ее интерпретации, потому что в ореоле акта мысли, в его условиях, предпосылках, способе осуществления, держании его во времени – содержится все, что вообще можно сказать о нем» [3, с. 93]. И далее высказывает важную мысль: хотя мы пользуемся другими методами и излагаем иначе, но в том, как мы излагаем, и в том, что говорим, – все равно содержится работа «декартовской машины мышления».

Проблема состоит в том, что, если человек допустит возникновение и исчезновение не просто отдельных предметов, но форм, то он разрушит язык описания! В этом случае не будет вообще никакой возможности высказываться о предметах. «О предмете я могу высказывать нечто лишь в той мере, в какой я могу его представить как эмпирическое выполнение предельного понимания в луче, пронизывающем и ставящем предмет на заданное место. Поэтому я не могу говорить о том, что появляется и исчезает, рождается и умирает. Формы заданы, и их заданность и

постоянство являются условием возможности моего мышления об эмпирических событиях, когда я вообще могу высказать что-либо законосообразное. И позволить разрушить этот язык я могу лишь при условии, что мне дадут другой язык, на котором я мог бы так же, в свою очередь, законосообразно говорить о вещах, которые рождаются и умирают» [3, с. 123].

В «*Размышлении двенадцатом*» Мамардашвили останавливается на проблеме интерпретации. Философ базируется на декартовском указании, согласно которому в интерпретации наше понимание слов совпадает с пониманием или знанием того, что это именно так, то есть с убеждением в истинности или доказанности того, что говорят слова. М.К. Мамардашвили подчеркивает важность в связи с этим нашего отношения к тем «...странным процессам, которые мы обозначили словом «прошлое». Декартовский принцип непрерывности предполагает, что все прошлое, все, что де-факто свершилось, осуществилось, воспроизводится на уровне рефлексии [3, с. 187].

Весной 1990 года в интервью, которое он дал рижскому телевидению, Мераб Константинович не только выразил свое кредо ученого, но фактически подвел итог своего жизненного пути: «Одиночество – моя профессия...». Даже смерть мыслителя в аэропорту «Внуково» в ноябре 1990 г. была во многом символической, иллюстрируя дискретность наших мыслей и земных стремлений...

В Тбилиси на проспекте Шота Руставели был открыт памятник М. К. Мамардашвили работы Эрнста Неизвестного. Открытие памятника вызвало идеологически мотивированные уличные столкновения, ведь М. К. Мамардашвили был однозначно за неразрывный союз Грузии и России. В 2010 году при въезде в Гори была установлена стела с скульптурным портретом М. К. Мамардашвили.

Понимание его «живой философии» требует от читателя работы над собой. Сегодня она во многом предстаёт в посмертной «расшифровке» его идей, которые представлены в аудиозаписях лекций, в интервью для журналов и телевидения, в докладах на различных конференциях и круглых столах. В современном мире представляются особо востребованными размышления Мераба Константиновича Мамардашвили, которые были посвящены исследованию дискретности мышления и языка, что, по нашему мнению, может служить базисом для доказательства кризисности универсалистских тенденций современного мироустройства.

Список литературы

1. Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии / М.К. Мамардашвили // (Опыт физической метафизики). Аннотация. Вильнюс, 1981.
2. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. М.: Прогресс – 1990. – С. 185.
3. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления / М.К. Мамардашвили. М.: Прогресс, 1991.
4. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути) / М.К. Мамардашвили. М.: Ad Marginem, 1995.